

РАВНЕНИЕ НА ГЕРОИЗМ

К 70-летию со дня рождения

Всеволода Вишневского

Моя фамилия Вишневский. Имя Всеволод. Слушайте, вы, любители старых сладких форм. Мы сейчас покажем кусок нашей жизни, полный ее бие-ния. Ее смех, ее слезы... Ее тяжелое и ее пре-красное.

(«Последний решительный»).

ПО ДОРОГАМ гражданской войны юноша Вишневский прошел солда-том революции. Он многое видел, хотя, вероятно, меньше всего ощущал себя зрителем и наблюдате-лем. Он сражался в боях под Питером и на Волге, на бронепоезде и на боевом корабле «Ваня-комму-нист», он участвовал в подавлении мятежа анархи-стов в Москве и в битвах Первой Конной против Деникина. Был военным моряком, пулеметчиком, разведчиком. Был ранен, болел сыпняком. Его юность — это боевая юность нашей революции, ее практика; ее дело. Слово пришло потом. «Восемна-дцати лет, — вспоминал Вишневский, — я был ходом вещей двинут на трибуну».

Это прекрасно сказано. Именно «ходом вещей» Вишневский был «двинут на трибуну»: он сражался за революцию, а когда понадобилось сражаться словом, он овладел и этим оружием. Когда понадо-билось, он написал и пьесу. В марте 1921 года он сообщал отцу: «Масса выросла, и мы соответствен-но с ней предъявляем к себе более серьезные тре-бования. Уже не выходишь с готовой, пламенной, но трескучей речью, а делаешь доклад — и его разбирают по косточкам, без аплодисментов. Ну, я, кажется, в политработу ударился...». Первая пьеса Вишневского, как и первые пьесы Билль-Белоцерковского, была прежде всего политработой. «Ход вещей» потребовал этого, и Вишневский написал инсценировку «Суд над кронштадтскими мятежниками». Пьеса была сыграна в Новоросий-ске, в матросском клубе. Представление шло с восьми часов вечера до четырех часов утра!

Будущие драматурги, сами того не подозревая, проходили в годы гражданской войны великолеп-ную школу. Они учились тому, чему нельзя было выучиться ни у великих предшественников, ни в театре, ни в тиши писательских кабинетов.

В бурных спорах о путях развития советской драмы, разгоревшихся в начале 30-х годов, Виш-невский и Погодин заняли единую позицию не по-тому, что их обоих привлекала эффективная роль новаторов, а потому, что эта роль была продикто-вана и Вишневскому и Погодину тем жизненным материалом, от имени которого и под бременем ко-торого они вышли на сцену. Вишневский нес с со-бой воинственный опыт гражданской войны. Пого-дин — созидательный опыт и творческий пафос первых пятилеток. Их, начинающих, похваливали за то, что они принесли в театр свежесть, не знае-мую театром жизнь, но одновременно им сопротив-лялись, ибо волей-неволей они были вынуждены требовать утверждения новой театральности.

Вишневский ищет торопливо, судорожно. Он об-шаривает в поисках возможной формы все литера-турное наследие: специально занимается Шекспи-ром, античной драмой. От Горького перебрасывает-ся к Джойсу, хотя, кажется, нет на свете ничего более чуждого и далекого Вишневскому, чем Джойс. Он ищет мучительно, страстно, он знает одно: «Театр, несомненно, будет стойко держаться и делать все, чтобы найти какой-то ход и ворваться в середину жизни». Он терзается: «Снова: как пи-сать? Что, в сущности, определяется сейчас у нас? Могушественное закрепление государственности, физическое ощущение реальной мощи (новая инду-стрия) определяет во многом потребности. Тянет к монументальному, реальному, здоровому. Типич-ный образ в городе: свободный, часто спортивный. Искусство не может не отражать этого».

— Кто вы?

— Человек.

— Скажите — смертный!

(«Оптимистическая трагедия»).

КОГДА Всеволод Вишневский написал «Оптимистическую трагедию», никто не понял сразу, никто не оценил весь масштаб свершившегося события. Спектакль, поставленный А. Таировым в Камерном театре, шел с грандиоз-ным успехом, но старые споры, как бы по инерции, продолжались, только в поле зрения дискутирую-щих оказалась еще одна пьеса. Она никого не за-ставила по-новому взглянуть на Вишневского. Виш-невский и сам не вполне сознавал, что он свершил. Он весь еще был в полемике, в литературной дра-ке, он еще нападал и защищался, он еще искал и оправдывал самые свои поиски, в то время как они увенчались величайшей победой, полным торжест-вом. Находясь на вершине, он еще продолжал раз-горяченно доказывать, что имеет право взойти на нее.

Вот почему в первом варианте «Оптимистической трагедии» Вишневский устами своих старшин-ведущих резко и страстно ведет еще литературную и театральную полемику и вот почему в оконча-тельном варианте произведения от этой полемики и следа не остается. Вишневский вычеркнул все свои авторские декларации, все язвительные колко-сти в адрес защитников старой драматической фор-мы, когда понял, что вещь говорит сама за себя.

Всякий входит в эту пьесу, как гладиатор на арену. Всякий должен помнить, что он смертен, что жизнь его под угрозой.

Но, конечно же, герои трагедии борются отнюдь не за сохранение своей жизни. Напряжение кон-фликта столь велико, что оно вообще поглощает человеческие жизни словно бы мимоходом. Это на-пряжение урагана, говоря морским языком, шторм в двенадцать баллов. Ситуация такова, что продол-жение собственной жизни оказывается необходи-мым просто — и только — для продолжения борь-бы. Важно победить, а не выжить. И если победа приносит с собой право на жизнь, то для героев трагедии это обстоятельство далеко не решающее.

Примечательно, что во время героической оборо-ны Мадрида «Оптимистическую трагедию» играл в осажденной фашистами столице Испании, в семистах метрах от франкистов.

Примечательно также, что «Оптимистическую трагедию» сравнивали и сравнивают с драматур-гией «прекрасного детства человечества» — с ан-тичной трагедией Эсхила и Софокла. Да, это произведение революционного советского искусства находится на высоте, где такие сравнения воз-можны.

В годы Великой Отечественной войны В. Виш-невский на фронтах, в осажденном Ленинграде. Каждое его слово по радио, обращенное к ле-нинградцам, не только поддерживало в них веру, но оно распахивало окно в будущее: «Верь этому, товарищ, брат, друг!.. Все залечим, все отстроим... С песней пройдут строители, каменщики, монтаж-ники. Это будет непреложно... Это будет! Поручай этому — вечная жизнь России, беспредельная мощь ее духа, трудоспособность ее, бескрайняя жи-вотворящая сила».

Биография Вишневского показывает, как мучи-телен, как труден, какого огромного напряжения требует путь завоевания театра для новой, еще не известной искусству, еще не знакомой ему жиз-ненной правды. Интенсивнейшая творческая жизнь Всеволода Вишневского всегда будет дорога совет-скому театру, ибо она принесла с собой в наше сценическое искусство великий оптимистический пафос мирового переустройства и небывалую до-толе близость к героическому духу революционного народа.

К. РУДНИЦКИЙ.